

EDN: DOCTPJ
УДК 316.4+314.7+304.3+379.8

“Third Place” in the Everyday Life of Young Migrants in Far Eastern Cities

Anna V. Vinokurova* and Anna Yu. Ardalyanova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 16.09.2024

Abstract. The research presented in this article is based on the concept proposed by R. Oldenburg, according to which “third places” are spaces where people spend time between home (“first place”) and work (“second place”). In relation to our work, these are urban spaces where young migrants meet, communicate, and build various informal relationships. As the main research cases, we selected Far Eastern cities – Yakutsk, Khabarovsk, Vladivostok; “third places” in these cities are ethnic cafes and mosques (houses of prayer). Attention was focused on young migrants (18–35 years old) from Central Asian countries. The goal of the work was to identify exactly how these “third places” in Far Eastern cities are used, adapted, (re)created by migrants through the prism of their life experience and social characteristics; how fully they satisfy the needs for social and business interaction, communication, cultural, religious needs. The study was carried out on the basis of an integrated approach based on regional statistics and qualitative sociological methods (informal interviews). The results showed that young migrants’ visits to “third places” have some differences depending on their social status, age, gender, occupation, etc. “Third places” support a sense of belonging, belonging to a reference group, and form stronger horizontal connections between newlyweds, arriving migrants and those who have been in Far Eastern cities for a longer period of time.

Keywords: migration processes, foreign migration, young migrants, Central Asian countries, Russian Far East, city, “third place”, everyday practices.

The reported study was supported by Russian Science Foundation according to the research project No 23–28–01113, [https://rscf.ru/project/23–28–01113/](https://rscf.ru/project/23-28-01113/) (“Foreign migrant workers in the Far East: value orientations and behavioral strategies of working youth”).

Research area: Social structure, social institutions and processes.

Citation: Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. “Third place” in the everyday life of young migrants in Far Eastern cities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1847–1862. EDN: DOCTPJ



«Третье место» в повседневности молодых мигрантов дальневосточных городов

А.В. Винокурова, А.Ю. Ардалянова

Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, Владивосток

Аннотация. Представленное в данной статье исследование опирается на концепт, предложенный Р. Ольденбургом, согласно которому «третьи места» – это пространства, где люди проводят время между домом («первое место») и работой («второе место»). Применительно к нашей работе – это городские пространства, где молодые мигранты встречаются, общаются, выстраивают различные неформальные отношения. В качестве основных исследовательских кейсов нами были отобраны дальневосточные города – Якутск, Хабаровск, Владивосток; «третьи места» в этих городах – этнические кафе и мечети (молельные дома). Внимание было сфокусировано на молодых мигрантах (18–35 лет) – выходцах из стран Центральной Азии. Цель работы заключалась в том, чтобы выявить, как именно эти «третьи места» в дальневосточных городах используются, адаптируются, (вос)создаются мигрантами через призму их жизненного опыта, социальных характеристик; насколько полно они удовлетворяют потребности в социальном и деловом взаимодействии, общении, культурные, религиозные потребности. Исследование выполнено на основе комплексного подхода с опорой на данные региональной статистики и качественные социологические методы (неформализованное интервью). Результаты показали, что посещение молодыми мигрантами «третьих мест» имеет некоторые различия в зависимости от их социального статуса, возраста, пола, рода занятий и др. «Третьи места» поддерживают чувство сопричастности, принадлежности к референтной группе, формируют более прочные горизонтальные связи между вновь прибывшими мигрантами и теми, кто находится в дальневосточных городах более продолжительное время.

Ключевые слова: миграционные процессы, иностранная миграция, молодые мигранты, страны Центральной Азии, российский Дальний Восток, город, «третье место», повседневные практики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/> («Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи»).

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Винокурова А. В., Ардалянова А. Ю. «Третье место» в повседневности молодых мигрантов дальневосточных городов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1847–1862. EDN: DOCTPJ

Введение

Дальний Восток России с точки зрения географии включает в себя территории, находящиеся на крайнем северо-востоке

и юго-востоке Российской Федерации. Если говорить об административном делении, то в данном ключе Дальний Восток (ДВ) официально обозначается как Дальневосточ-

ный федеральный округ (ДФО), куда входят следующие российские регионы: Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ; в 2018 году в Дальневосточный федеральный округ были включены Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в состав Сибирского федерального округа.

ДФО является наименее заселенным среди всех российских федеральных округов. На 1 января 2024 года численность населения Дальнего Востока составила 7 866 344 человека, сократившись по сравнению с аналогичным показателем 2023 года на 37 520 чел. Уменьшение обусловлено отрицательными величинами естественного и миграционного прироста. При этом динамика демографических и миграционных процессов в дальневосточных регионах отличается своей неоднородностью как в долгосрочной и краткосрочной ретроспективе, так и в настоящее время. Официальные статистические данные за 2023 год демонстрируют наличие положительного сальдо миграции и превышение числа родившихся над числом умерших в Республике Саха (Якутия) и в Чукотском автономной округе. На Камчатке отмечен положительный миграционный прирост, а естественный прирост исчисляется в отрицательных значениях. Что же касается других регионов, входящих в состав ДФО, то в 2023 году все они продемонстрировали отрицательную миграционную и демографическую динамику: умерших больше, чем родившихся; выбывших больше, чем прибывших¹.

Но в рамках основной тенденции, связанной с негативной динамикой миграционных процессов на российском Дальнем Востоке, можно выделить некую общую закономерность: в то время как миграционный обмен с другими регионами РФ – отрицательный, с зарубежными странами, в первую очередь с государствами СНГ, –

положительный, что неоднократно отмечалось в различных исследованиях, в том числе и проведенных при нашем непосредственном участии (см., напр.: Krasinets, Shevtsova, 2020; Mishchuk, 2021; Motrich, 2022; Khranova, Zorin, 2022; Vinokurova, Ardalyanova, 2023).

Кто приезжает на Дальний Восток из ближнего зарубежья? В основном миграционный приток обеспечивается за счет выходцев из республик Центральной Азии: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые прибывают в Республику Саха (Якутия), подавляющее большинство из них кыргызстанцы; в Хабаровском крае среди прибывших иностранных граждан доминируют таджикистанцы; в Приморье – основная доля приходится на узбекистанцев (см. рис. 1)². Как правило, большинство из них оседают в региональных столицах: Якутске, Хабаровске, Владивостоке. Именно эти города и были отобраны нами в качестве основных кейсов.

Если говорить об исследованиях, направленных на изучение иностранной миграции, в том числе и из стран Центральной Азии, на российский Дальний Восток, то основное внимание авторов сосредоточено на проблемах «макроуровня»: какую роль данный вид миграции играет в пространственном, демографическом развитии дальневосточных регионов; насколько миграция из центральноазиатских государств значима в контексте восполнения трудовых ресурсов; каким образом она влияет на национальную и региональную безопасность (см., напр.: Mishchuk, 2018; Gamerman, 2020; Serdyukov, 2023). Достаточно большое количество работ посвящено вопросам адаптации и интеграции иностранных мигрантов в принимающем дальневосточном сообществе, особенностям их идентичности (Krivonosova, Us, 2018; Blyakher, Leont'eva, 2022; Yakovlev, 2023).

² Составлено и рассчитано авторами на основе: Chislenost' i migratsiya naseleniya Rossijskoj Federatsii v 2022 godu. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (21.04.2024). Данные приводятся по состоянию на 2022 год.

¹ Otsenka chislenosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2024 g. i v srednem za 2023 g. i komponenty ee izmeneniya. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (21.04.2024).



Рис. 1. Динамика миграционных процессов в Дальневосточном федеральном округе
 Fig. 1. Dynamics of migration processes in the Far Eastern Federal District

Гораздо реже встречаются исследования, где рассматривается повседневность центральноазиатских мигрантов, проживающих в регионах Дальнего Востока, акцент сделан на семейных, религиозных, бытовых аспектах (Varnavskiy, 2016; Vinokurova, 2017; Ardalyanova, 2023). Но практически нет работ, выполненных на материалах дальневосточных кейсов, характеризующих «третьи места» в повседневных практиках мигрантов из стран Центральной Азии. Хотя, безусловно, эти вопросы в определенной степени описаны российскими и зарубежными авторами (см., напр.: Akif’eva, 2014; Mata-Codesal, Peperkamp, Tiesler, 2015; Bryazgina et al., 2019; Lynnebakke, 2024).

Исследование «третьих мест» в российской практике в целом связано с описанием их отдельных видов, например, библиотек (см., напр.: Kryazheva, SHakirova, 2019), музеев (см., напр.: Nikiforova, Ivanova, 2020) или в целом креативных пространств (см., напр.: Kuziner, Petrunina, 2022). В отдельных работах, посвященных миграции и расселению мигрантов в различных российских, в том числе дальневосточных локациях, «третьи места» обнаруживаются условно как элементы адаптации и интегра-

ции в принимающее сообщество (см., напр.: Kovalevskiy, Blyakher, 2020; Varshaver et al., 2021; Britvina, 2023).

Можно констатировать, что несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных «мигрантской» проблематике и «третьим местам», именно «третьи места» мигрантов исследованы не в полной мере как в общероссийском, так и в региональном контексте. В данной статье мы попытаемся в какой-то степени восполнить имеющийся пробел и описать «третьи места» в повседневности молодых мигрантов – выходцев из государств Центрально-Азиатского региона, проживающих в городах Дальнего Востока.

Теоретическая рамка и целевая установка исследования

В качестве теоретической основы настоящей работы была принята концепция «третьего места», предложенная Рэем Ольденбургом (Oldenburg, 1989; Oldenburg, 2014). Под «третьими местами» в самом общем смысле понимаются общественные пространства, которые занимают промежуточное положение между «первым местом» (дом/семья) и «вторым местом» (работа/

учеба). К таковым можно отнести кафе, парки, библиотеки, клубы и другие объекты городской инфраструктуры, которые можно использовать для неформальных коммуникаций, общения. Именно эти пространства, которые находятся одновременно вне дома и за пределами офиса, становятся индикаторами социального благополучия любого сообщества. «Третьи места» обладают следующими характеристиками: они доступны и нейтральны; они созданы для беседы; они неприметны и являются частью городского ландшафта и повседневной жизни; они способствуют непринужденному общению и веселью; они психологически комфортны «как дом» и могут способствовать личному продвижению «как работа».

В своей работе Р. Ольденбург неоднократно обращается к мигрантскому опыту формирования «третьих мест». Мигрантское сообщество становится не только пассивным потребителем, но и создателем подобных пространств. В качестве примера можно выделить описания «пивных садов», созданных иммигрантами из Германии, которые демонстрируют то, как отдельные сообщества становятся частью общей культуры и влияют на формирование облика города (Oldenburg, 2014: 151–172).

В целом подчеркивается значимость физического и социального пространства «третьих мест» как механизма аккультурации, межкультурного взаимодействия и интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

В дополнение мы будем опираться на типологию «третьих мест», разработанную Рубарт и соавторами (Rhubart et al., 2022). Основными классификационными критериями служат такие параметры, как доступность (взимается или не взимается плата за посещение) и форма/направленность деятельности, связанная с пространством «третьих мест». В соответствии с данными признаками выделяются:

– бесплатные и общедоступные «третьи места» (например, библиотеки, общественные центры и пр.);

– религиозные и социальные организации (церковь, социальные службы, многофункциональные центры и т.п.);

– коммерческие «третьи места» (рестораны, кафе, магазины и др.);

– «третьи места» развлекательной, спортивной, творческой направленности (кинотеатры, спортивные залы, арт-площадки и т.д.);

– «третьи места», связанные с предоставлением персональных услуг (барбершопы, салоны красоты, ногтевые студии и пр.).

Применительно к нашему исследованию мы более подробно остановимся на таких «третьих мигрантских местах», как места отправления культа (мечети, молельные дома) и этнические «мигрантские» точки общепита. Мы попытаемся выявить, как именно эти «третьи места» в дальневосточных городах используются, адаптируются, (вос)создаются мигрантами через призму их жизненного опыта, социальных характеристик; насколько полно они удовлетворяют потребности в социальном и деловом взаимодействии, общении, культурные, религиозные потребности.

Методология и методы исследования

Исследование выполнено с опорой на качественную методологию. Мы сфокусировали свое внимание на молодых мигрантах (возраст наших информантов составил 18–35 лет). При сборе эмпирических материалов мы по большей части опирались на опросные методы, была проведена серия неформализованных интервью с выходцами из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые приехали на заработки и/или учебу в Якутск, Хабаровск, Владивосток. Полевые работы проводились в феврале – марте 2023 года и в марте – мае 2024 года, всего было проведено 18 интервью (n=18). Также в качестве информантов выступили представители бизнес-сообщества, являющиеся работодателями для указанных категорий мигрантов; религиозные деятели и лидеры национальных диаспор на территории обозначенных дальневосточных городов, представители органов власти, которых мы больше позиционируем как экспертов. С ними в общей сложности было проведено 12 интервью (n=12).

Основные характеристики информантов и экспертов представлены в табл. 1.

Отбор экспертов проводился по следующим критериям: род занятий (имеющий отношение к мигрантам и миграции), реги-

он проживания (Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край), уровень квалификации (руководитель или ответственный исполнитель, рекомендации коллег и других экспертов). Первичный список

Таблица 1. Основные характеристики участников интервью
Table 1. The main characteristics of the interview participants

Код	Город	Страна/регион происхождения	Род занятий	Возраст	Пол	Суммарный срок пребывания на Дальнем Востоке
Эксперты						
Э1	Якутск	Россия (Дагестан)	Помощник имама мечети	29 лет	М	3 года
Э2	Якутск	Россия (Якутия)	Директор строительной компании	25 лет	М	С рождения
Э3	Якутск	Россия (Якутия)	Руководитель строительной фирмы	35 лет	М	С рождения
Э4	Якутск	Россия (Якутия)	Директор производственно-строительной компании	38 лет	М	С рождения
Э5	Хабаровск	Россия (Татарстан)	Имам мечети	42 года	М	2 года
Э6	Якутск	Россия (Якутия)	Управляющая предприятием общепита	39 лет	Ж	С рождения
Э7	Владивосток	Россия (Приморье)	Руководитель торгово-промышленной компании	53 года	М	С рождения
Э8	Хабаровск	Таджикистан	Юрист	27 лет	М	25 лет
Э9	Хабаровск	Россия (Хабаровский край)	Представитель органов региональной власти	59 лет	М	С рождения
Э10	Владивосток	Россия (Дагестан)	Имам мечети	40 лет	М	5 лет
Э11	Хабаровск	Россия (Дагестан)	Домохозяйка, супруга имама мечети	42 года	Ж	2 года
Э12	Владивосток	Россия (Дагестан)	Домохозяйка, супруга имама мечети	38 лет	Ж	5 лет
Трудовые мигранты и иммигранты (полуторное поколение)						
И1	Якутск	Кыргызстан	Сиделка	34 года	Ж	Более 10 лет
И2	Якутск	Кыргызстан	Акушерка	29 лет	Ж	6 лет
И3	Хабаровск	Таджикистан	Совмещает учебу в вузе с работой в такси	21 год	М	3 года
И4	Хабаровск	Таджикистан	Совмещает учебу в вузе с работой в общепите	22 года	М	3 года
И5	Якутск	Кыргызстан	Предприниматель	27 лет	М	Более 10 лет
И6	Якутск	Кыргызстан	Студент	21 год	М	Более 10 лет
И7	Якутск	Таджикистан	Студентка	20 лет	Ж	Более 10 лет
И8	Якутск	Таджикистан	IT-специалист	28 лет	М	Более 10 лет
И9	Якутск	Таджикистан	Студент	20 лет	М	2 года
И10	Владивосток	Узбекистан	Совмещает работу в такси с работой в автосервисе	26 лет	М	4 года

Продолжение табл. 1
Table 1 Continued

Код	Город	Страна/регион происхождения	Род занятий	Возраст	Пол	Суммарный срок пребывания на Дальнем Востоке
И11	Владивосток	Узбекистан	Таксист	25 лет	М	2 года
И12	Владивосток	Узбекистан	Строитель	35 лет	М	Более 10 лет
И13	Владивосток	Узбекистан	Управляющий кафе	34 года	М	Более 10 лет
И14	Владивосток	Таджикистан	Продавец в магазине «Овощи – фрукты»	22 года	М	1 год
И15	Владивосток	Узбекистан	Таксист	29 лет	М	5 лет
И16	Якутск	Кыргызстан	Сиделка	35 лет	Ж	Более 10 лет
И17	Хабаровск	Таджикистан	Специалист вузовского молодежного центра	29 лет	М	7 лет
И18	Якутск	Кыргызстан	Врач-ординатор	28 лет	М	9 лет

экспертов формировался на основе анализа учетных данных (руководители религиозных организаций, предприятий, принимающих на работу мигрантов, представители органов государственной и муниципальной власти), анализа социальных сетей и региональной медиаповестки, собственных наблюдений и личных связей авторов.

Информанты из числа молодых мигрантов рекрутировались несколькими методами – через опрошенных экспертов, методом «холодного» контакта среди иностранных студентов, в торговых точках и такси. Далее был использован метод «снежного кома», когда уже сами информанты становились своеобразными проводниками в «мигрантском» поле. Основным критерием отбора информантов являлся возраст и иноэтничное происхождение (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан).

Анализ данных проводился в логике «обоснованной теории» (Strauss, Korbin, 2001) с акцентом на досуговые и религиозные практики информантов. Кодирование проводилось в программе MAXQDA.20.

Первое время культурный шок: досуговые и религиозные практики молодых мигрантов

Как мы уже отметили выше, иностранных мигрантов часто восприни-

мают через концептуальную призму их «мобильности», связанной с их трудовой деятельностью. Когда же затрагиваются вопросы «третьего места», то основное внимание уделяется досуговым практикам мигрантов, функциональным аспектам досуга, в частности, его месту и роли в адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе (Farrer, 2004; Stodolska, Santos, 2006; Muller, Zoonen, 2008). В то же время необходимо понимать, что «третье место» в повседневной жизни мигрантов могут демонстрировать «длину» дистанции, интенсивность и направленность взаимодействий как между самими мигрантами, так и между мигрантами и местными жителями.

В данном ключе, с учетом выбранной нами исследовательской стратегии и тактики, следует дать общее описание досуговых и религиозных практик и их распространенности среди молодых мигрантов. Наиболее адаптированные мигранты, которым доступны практически все досуговые заведения и которые активно посещают «третье место» – кафе, рестораны, ночные клубы, – это мигранты так называемого полуторного поколения (Mukomel', 2013). Как правило, они прибыли в Россию вместе с работающими родителями уже в сознательном возрасте, но обучались в российских школах

и достаточно хорошо знают язык и российскую культуру.

«Интересуют места в таком европейском формате, чтобы обстановка вокруг была располагающая, собственно, и для семейного отдыха, и для деловой какой-то встречи» (И13).

В эту группу по мере социализации и адаптации включаются представители учащейся молодежи, которые прибыли в города Дальнего Востока в качестве образовательных мигрантов (иностранцы студенты). Изначально досуг молодых людей, прибывших из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана на учебу в дальневосточные вузы, весьма пассивен, этому способствует высокий уровень цифровизации и доминирование цифровых досуговых практик в молодежной среде. Но к третьему–четвертому курсу, овладевая языком и культурными нормами, они начинают посещать «привычные» для современной российской молодежи «третьи места». «Свои кафешки» иностранные студенты посещают чаще всего именно потому, что там более привычная кухня, которую они любят и знают с детства.

«Я тоже по большей части раньше в такие же кафе ходил, к примеру, потому что там мне еда ближе... Там такой же плов, шаурма. То, что я с детства ел, у меня потребность к этому. Мне это нравится, поэтому туда хожу» (И17).

«Тут с едой вообще напряженка... Хочется нормальных продуктов, как дома. Это вот только в наших кафе можно найти, что-то похожее на домашнюю еду» (И3).

«Ну тут вообще культурный шок был первое время, в общежитии пришел на общую кухню, а там девочки местные, ну кто сами якутки, приехали на учебу из районов, сел, режут радостно сырое мясо и предлагают мне: "Будешь?" Ага, прямо сейчас все бросил и стал есть (смеется – прим. авт.). Поэтому да, наши кафе – это такая отдушина, особенно на первых порах, когда сильно скучаешь по дому» (И18).

Вторая категория – это трудовые мигранты и мигранты первого поколения,

имеющие достаточно свободный или относительно нормированный рабочий день, как правило, это работники общепита и сферы услуг, таксисты. Именно они становятся постоянными клиентами этнических кафе и клубов «для мигрантов», их досуговые практики редко выходят за пределы данных точек.

«Я первое время жил здесь один, жена с ребенком тогда были в Узбекистане, ну когда мне готовить? Это ж работа по двенадцать часов, сервис, такси... И пока заказов мало, заскочил к своим, нормально поел, сплетни послушал, обменялись новостями и дальше работать» (И10).

«Тут же как? Раз на раз не приходится, иногда работа идет, и поест некогда, просто заскочил, купил что-то (шаурма – прим. авт.) и чай или кофе и дальше едешь... Иногда так все достанет, что просто хочется посидеть в тепле, особенно зимой, спокойно поговорить, первое время очень уставал, что постоянно русский язык везде (смеется – прим. авт.)» (И15).

«Да это вообще смена обстановки, тут у Арифа как дома, все свои» (И11).

Третья категория – это мигранты-вахтовики, работающие преимущественно на строительных объектах, которые находятся в некотором отдалении от города (пригородная зона), а иногда и достаточно далеко (сельские поселения, находящиеся на значительном расстоянии от дальневосточных столиц). Для них посещение «третьих мест» носит стихийный характер. Учитывая тяжесть выполняемых работ и ограниченность сроков их выполнения, данная категория мигрантов отдыхает только в возникающие «окна» в работе.

«Бывают такие моменты, что материала нету целыми днями, просто могут даже затянуться на неделю, а то и на десять дней» (Э3).

«Ну бывает так, что как-то быстрее объект закончили они, а следующий еще не подготовлен, чтобы там начать работу, вот и получается, что им (работникам-мигрантам – прим. авт.) несколько дней надо ждать, чтобы начать работу на другом объекте» (Э7).

«Работы же разные, сделали что-то, надо ждать, чтобы просохло, конструкция устоялась или еще что-то, вот и получается, что у них перерыв в работе, по-разному бывает, иногда день–два, иногда и больше недели» (Э4).

Именно в такие моменты мигранты покидают свои рабочие поселения и могут позволить себе посетить «третье место», как правило, ходят небольшими группами в «свои», «проверенные» точки. Но чаще всего, по мнению экспертов, они просто отсыпаются и отдыхают или находят иной приработок на время простоя.

«Просто тупо лежат у себя, физическая работа, реально тяжело, они сами говорят, что не хотят никуда, просто бы от работы отдохнуть, полежать, ничего не делать» (Э7).

Если говорить о религиозных практиках и посещении мечети/молитвенного дома, то данные практики актуализируются у мигрантов в более старшем молодом возрасте – 30+ лет. Эксперты связывают это с появлением семьи и детей, желанием жить «правильной» жизнью.

«Мотивирует ответственность, дети появляются, семья. Вот вчера я в такси ехал, познакомился с товарищем, ему 33 года, он не молился до этого, последние три месяца он только начал. Он почувствовал некую ответственность, что он же мусульманин... Он говорит, я задумался о жизни, о том, что у меня уже семья, надо примером быть для семьи в первую очередь» (Э10).

Более молодые ребята (18–30 лет) посещают мечеть только в качестве традиции, иногда только в пятницу или даже по праздникам.

«К сожалению, я не посещаю (мечеть – прим. авт.). Хотя надо бы было, потому что я верю во Всевышнего, в Аллаха» (И3).

«Честно говоря, я от религии немножко далеко, не все очень хорошо разбираются в религии. Но я знаю, что соблюдают пост с определенного часа, поэтому до определенного часа не едят, как я понимаю, благословение Всевышнему. Поэтому соблюдаю обычаи» (И4).

«Ну я так-то не соблюдаю (пост в священный месяц Рамадан – прим. авт.), ну и пять раз в день, когда молиться? Честно, не успеваю, хотя надо бы... Так иногда по пятницам, ну и на Ураза-Байрам, Курбан-Байрам» (И10).

«Студенты редко кто ходит на пятничную молитву. Все молитвы, кто молится постоянно, в общежитии, в комнатах» (И17).

Таким образом, посещение молодыми мигрантами «третьих мест» с целью реализации досуговых потребностей имеет некоторые различия в зависимости от того, к какой социальной категории относятся мигранты (студенты, занятые в сфере услуг, «работяги-вахтовики»), как давно они находятся на Дальнем Востоке (одно дело, если это мигранты «полуторного поколения», и совсем другое, если это мигранты первого поколения). Если же говорить о религиозных практиках молодых мигрантов, то они становятся более распространенными по мере перехода в более старшую возрастную группу, по мере смены социального статуса (создание собственной семьи, рождение детей).

В целом досуговая и религиозная направленность «третьих мест» мигрантов очень тесно связана с реализацией коммуникативной функции.

Посидеть со своими, поговорить: «третьи места» мигрантов как пространство коммуникации

Как мы уже отметили, один из типов «третьих мест», ориентированных на мигрантов, – это предприятия общепита этнической направленности, которые часто обозначаются в повседневно-бытовом дискурсе как «узбечки», «восточки» и т.п. Они представляют собой не только пространства для ведения коммерческой деятельности и предоставления персональных услуг, это своего рода центры неформального общения, которые служат важнейшей социальной инфраструктурой для поддержки дружеских связей между представителями мигрантских сообществ, объединяющихся по этническому признаку.

«Это же так приятно, просто посидеть со своими, поговорить на своем языке, поесть еды, к которой привык с детства» (И17).

«Мы обычно собираемся там (кафе среднеазиатской кухни – прим. авт.) с пацанами, с земляками, обмениваемся новостями, узнаем о последних событиях, что касаются наших и здесь, и на родине...» (И3).

Можно сказать, что этнические кафе служат основным местом для общения с другими представителями мигрантского сообщества вне работы/учебы.

Также, например, таджикские мигранты в Хабаровске создают «временные третьи места», которые обеспечивают необходимое пространство и возможность неформально взаимодействовать, в том числе и с более широким сообществом. Так, в ходе проведения интервью было отмечено, что периодически, как правило, несколько раз в месяц, таджикские студенты вскладчину арендуют спортивный зал/площадку для того, чтобы поиграть в футбол.

«Ну в основном одни и те же ходят... Но иногда приходят и новенькие, иногда присоединяются другие ребята... Ну не местные, а тоже, кто приехали сюда, из Узбекистана, например...» (И3).

Иногда могут также вскладчину забронировать стол в бильярдной.

«Ходим в бильярд поиграть, не часто, но иногда случается, обычно в субботу, но как получится, иногда как-то спонтанно можем собраться, иногда хочется только с пацанами собраться, чтобы без старших побыть» (И15).

Можно сказать, что в какой-то мере временные «третьи места» выполняют функцию эмансипации от власти и авторитета представителей более старших поколений.

Мечеть или молельный дом также становятся местом для общения, и не только площадкой для «духовного наставления», но и для неформального общения, коллективных праздников и событий.

«Пришел доктор наук, разговаривать будем именно, как говорится, на научные темы. Если приходит юрист – на юри-

дические темы. Если приходит повар, мы разговариваем с ним как с поваром, всегда приходится нам со всеми работать. И менталитеты у людей совершенно разные» (Э5).

«Отмечали вчера по случаю рождения ребенка. Скажем так. Я скажу, как есть. Почитать, посидеть, покушать угощения, пообщаться» (Э10).

Такие вариации «третьих мест» как коммуникационных пространств поддерживают чувство сопричастности, принадлежности к референтной группе, формируют более прочные горизонтальные связи между вновь прибывшими мигрантами и теми, кто находится в дальневосточных городах более продолжительное время.

Можно решить любой вопрос:

«третье место» как пространство для решения проблем и «тоник для духа»

«Третье место» тесно связано с процессом социального взаимодействия, которое культивируется в мигрантской среде. Здесь нет случайных знакомых и ненужных людей. В таких местах актуализируется система сетевой интеракции, есть возможность встретить людей, которые могут посоветовать или помочь найти работу, жилье, помочь с решением «образовательных» вопросов (устроить ребенка в школу, детский сад и т.п.), подсказать, где и как найти доступные медицинские услуги и другие важные ресурсы.

Таким образом, этнические кафе и рестораны становятся площадками для решения актуальных проблем.

«Ну это так принято, что ли, так заведено, если у кого-то что-то произошло, и хорошее, и плохое, то собираемся, обсуждаем, ну или поздравляем, или решаем, что нужно делать, как помочь» (И4).

Молельные дома и мечети также становятся своеобразным ресурсным центром для решения различного рода проблем и социального продвижения. Здесь встречаются мусульмане различного этнического происхождения и статуса.

«Люди даже бывает из аэропорта, прямо с вещами, со всеми делами, они

там даже ни к себе на квартиру куда-то, а приезжают сюда. Почему сюда? Потому что, придя сюда, любой человек, любой, абсолютно любой человек, даже не обязательно мусульманин, если нужно решить какой-то вопрос, то можно обратиться к одному, другому, третьему. Здесь есть такой некий определенный костяк людей, которые все время посещают мечеть, которые стабильно общаются между собой. И очень часто бывает даже до нас вопрос не доходит, а на уровне прихожан уже решается» (Э1).

Согласно концепции Р. Ольденбурга, «третье место» всегда оказывает некий терапевтический эффект на его посетителей, это своеобразный «тоник для духа». Можно добавить, что это некая «отдушина», «радость для души». Данная особенность «третьих мест» мигрантов больше всего, на наш взгляд, проявляется в мечетях и молеельных домах.

И здесь возникает некое противоречие. С одной стороны, чтобы терапевтический эффект проявился, необходимо, чтобы пространство было достаточно свободным от обязательств, манеры поведения и определенных социальных ролей. С другой стороны, религиозные институты и практики достаточно традиционны и привязаны к определенным рамкам, шаблонам, действиям и обязательствам. Однако функция «третьего места» всегда связана с культурным контекстом, и в этом смысле в мультикультурных и многонациональных дальневосточных городах мечеть становится своеобразным «местом силы» для всех мусульман вне зависимости от этнического происхождения.

«Мы, как говорится, находимся на передовой. Да, мечеть – это передовая. Сюда приходят все с разбитым сердцем, куда и к чему обратиться... Они нам рассказывают проблемы, мы подстраиваемся под каждого человека» (Э5).

«Бывают люди, хотят просто поговорить по душам. Просто хотят высказаться, потому что у них внутри есть какая-то тревога, есть какое-то беспокойство. Они не знают, с кем поделиться. Они приходят

сюда, в мечеть. И в этом плане, наверное, я – некий психолог» (Э10).

Между тем и этнические кафе, и религиозные организации характеризуются весьма «пестрым» составом посетителей, что вносит элемент новизны как в ландшафт дальневосточного города, так и в мигрантские сообщества. Например, кафе, которые открыты мигрантами не только для своих, но и для местных жителей, так называемые места для всех, часто привлекают самых разнообразных посетителей: и местных, и мигрантов, и туристов, и моряков, чье судно зашло в порт. Ни для кого не секрет, что познание культуры через еду, позволяет уменьшить предвзятые мнения и стереотипы, способствуя более положительному восприятию образа мигранта. Национальная кухня служит мощным связующим звеном в межкультурной коммуникации, способствуя взаимопониманию, уважению и укреплению социальных связей. Являясь традиционным и формализованным институтом в ситуации миграции, мечеть (молеельный дом) становится своего рода «открытием», это новое и интересное место для людей, выбирающих духовный путь.

Просто у нас есть «женский отдел»: «мужские» и «женские» «третьи места»

Описанное выше, как можно было заметить, относится в большей степени именно к «мужскому» миру «третьих мест». Концептуально данные места нейтральны относительно пола посетителей, но в мигрантских локациях дело обстоит иначе. Молодых женщин среди мигрантов значительно меньше, чем мужчин. Связано это с тем, что женщины приезжают в Россию в качестве трудовых мигранток либо в более позднем возрасте, когда их собственные дети уже выросли, либо в качестве жены работающего мужа, тогда она чаще всего имеет статус домохозяйки и присматривает за детьми.

«У нас большинство девушек после окончания школы выходят замуж. Девушка, когда закончила школу, должна выйти замуж, и молодой человек тоже желательно дол-

жен жениться. Ну, поэтому кто-то приезжает учиться, два года обучается, поехал, женился, кто-то привез жену, а кто-то оставил там. Приехал сюда доучиваться. А вот если привез жену, то она здесь просто живет как домохозяйка» (И17).

«Ну сначала я приехал, посмотрел, обустроился, заработал, потом привез сюда жену, она дома, ребенок совсем маленький» (И10).

По нашим наблюдениям такой сценарий более популярен у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана. А вот в среде кыргызских мигрантов женщины более эмансипированы, как правило, работают наравне с мужчинами.

«Я приехала сюда три года назад, тут никого у меня не было, была только сестра двоюродная с мужем. Сначала я работала в магазине продавщицей, но недолго, месяца два или три. И как-то случайно увидела объявление, что требуются сотрудники в частный медицинский центр, я пошла туда, и меня взяли, сначала санитаркой, но я-то по образованию акушерка. Сказали, что, если я все документы подтвержу, то смогу работать по специальности. Вот так и получилось, что я почти три года там и работаю, свою профессию очень люблю, работа мне нравится» (И2).

Но все же у «третьих мест» мигрантов преимущественно «мужское» лицо.

Мигранты, которые работают вахтовым методом на стройках, редко посещают какие-то заведения.

«У нас есть пара клубов, ну такие не очень, конечно, клубы... Но туда ходят ребята со строек. Туда и девушки ходят специально для знакомства, ну и просто потусить» (Э2).

«Ну такое есть, конечно, я в такси работаю, бывает, что и девушек подвожу в бары, рестораны, ночные клубы. Ну и есть места, где наши ребята собираются, ну там с местными девушками познакомиться, молодые же все... Я не одобряю ни тех, ни других, может мне легко говорить, жена-то здесь (смеется – прим. авт.). Ну вот иногда везу девчонок в клуб, бар, сами же говорят, что парень в море... Я вот думаю: "он же

там работает как собака, для нее же деньги зарабатывает, а она так себя ведет", неплохо это...» (И10).

«Я не знаю, конечно, но это прямо сразу чувствуется, заметно, если кто-то из молодых знакомится с местными девчонками, встречаются, живут вместе, то старшие не одобряют... Ну как-то много всего сразу, никак надо, ну там обязательства какие-то, родители узнают, тоже по голове не погладят... Знаешь, так скажу: проще к этим ... с низкой социальной ответственностью, товар – деньги – товар, ну и головняка нет, особо такое не афишируют, спокойнее что ли...» (И15).

Таким образом, «третьи места» досуговой направленности в какой-то мере выполняют функцию пространств для потенциальных романтических знакомств, поиска знакомств для сексуальных, партнерских отношений. Но это не так популярно в мигрантской молодежной среде, поскольку, с одной стороны, молодые мигранты в большинстве своем не хотели бы придавать имеющиеся у них случайные сексуальные связи, факты сожителства широкой огласке. С другой стороны, практики знакомства с девушками для романтических, сексуальных, партнерских отношений гораздо чаще реализуются не в физической, а в цифровой среде (различные приложения для поиска знакомств для различных целей, специализированные мусульманские сайты знакомств и т.п.). Также отметим, что в нарративах наших информантов и экспертов ни разу не отмечены случаи, ситуации совместного досуга молодых, не состоящих в браке мигрантов-мужчин и молодых, незамужних женщин-мигранток. Если же речь идет о семейных молодых мигрантах (женатых/замужних), то и здесь нами не выявлены практики совместного проведения досуга, за исключением семейного, когда супружеская пара молодых мигрантов обычно вместе со своими детьми проводит свободное время в кафе, торговых центрах, детских развлекательных заведениях.

Можно выделить отдельные «третьи места» женщин-мигранток, которые тесно связаны с детьми и организацией их досуга,

в основном это крупные торговые центры, в которых есть возможность совершить покупки и развлечь детей.

«В свободное время? Не бывает, почти не бывает (смеется – прим. авт.). Вот когда удается, ну в гости ходим к своим родным, в кино я уже тут ни разу не была, и на концерт не ходила. Только по магазинам ходим. В основном я для детей в свободное время, как бы. Детей на прогулку, детей туда, детей сюда. Отвезти их в детские центры, есть такие и в торговых центрах, вот туда водим детей» (И1).

«У меня только суббота и воскресенье. И я стараюсь успеть сделать домашние дела. Если успеваю, куда дальше ходим? В основном в развлекательные центры, где ты уже с ребенком можешь поиграть... Или она (дочка – прим. авт.) играет, там разное для детей с разными аттракционами, ну знаете же, а пока она играет, я свое могу посмотреть, послушать, тупо “позалипать” в телефоне» (И2).

Женскими вопросами, проблемами, а также организацией досуга в молельных домах и мечетях часто занимаются как сами духовные лидеры, так и их жены.

«Ну, просто у нас есть “женский отдел”. Ко мне приходят и женщины со своими проблемами, и мужчины со своими проблемами. То есть мы с ними радуемся или же печалимся. Так мы пытаемся разрешить какие-то ситуации» (Э5).

«Именно только женщинами мы собираемся. Чаепития бывают. Обычно, когда мы проводим мероприятия по праздникам, то там собираются и мамы, мамы приходят все, естественно, с детьми» (Э12).

Таким образом, есть «женские» и есть «мужские» «третьи места». По большей части молодые мигранты используют уже имеющуюся городскую развлекательную инфраструктуру. Мужчины-мигранты – для знакомств с представительницами женского пола из числа местного населения, для возможного дальнейшего выстраивания партнерских отношений, удовлетворения сексуальных потребностей. Женщины-мигрантки – для проведения совместного досуга со своими детьми.

Заключение

В целом настоящее исследование направлено на развитие дискуссии о мигрантах и миграции в дальневосточных городах и открывает некоторые дальнейшие перспективы. Так, например, на наш взгляд, интерес представляет продолжение исследовательского поиска в отношении «мужских» и «женских» пространств досуга мигрантов, влияние «третьих мест» на практики взаимоотношения молодых мигрантов с представительницами противоположного пола, их матримониальное поведение и установки. Также важно обратить внимание на роль «третьих мест» в оценке благополучия детей из семей мигрантов и условий их социализации в принимающем региональном (дальневосточном) обществе.

Отметим, что «третьи места» мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих в дальневосточных городах, характеризуется неоднородностью, вариативностью. В частности, там сохраняются традиционные социальные практики, например соблюдение национальных обычаев. С другой стороны, наметилась тенденция к эмансипации от власти старших поколений, что выражается в появлении специфических «третьих мест», которые предназначены по большей части именно для мигрантской молодежи.

Результаты нашего исследования также позволяют сформулировать тезис о том, что «третьи места» несколько выпадают из общегородских пространств. В настоящей статье акцент сделан на высказываниях экспертов и информантов, однако обращаясь к физическому размещению «третьего места», мы обнаруживаем, что чаще всего эти места «неприглядны», «не просматриваемы», «невидимы», находятся на окраинах городов или в отдаленных городских районах и за редким исключением как будто бы исключены из городского ландшафта, что вполне объяснимо с учетом специфики расселения мигрантов в дальневосточных городах, однако это может способствовать формированию маргинальной среды и культивированию деструктивных прак-

тик. В то же время «третьи места» играют весьма значимую роль в оказании поддержки, обмене ресурсами и информацией как внутри мигрантской среды, так и между ми-

грантами и местными жителями, что может открывать новые возможности для устойчивого пространственно-территориального городского развития.

Список литературы / References

Akif'eva R. Dosugovye praktiki i obrazovatel'nye prityazaniya: vzaimosvyaz' s migracionnoj istoriej i resursami sem'i [Leisure practices and educational aspirations: relationship with migration history and family resources]. In: *Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]*, 2014, 611–612, 67–68.

Ardalyanova A.YU. Mechet' v dal'nevostochnom gorode: opyt kontent-analiza novostnyh portalov [Mosque in the Far East city: experience of content analysis of news portals]. In: *Sociologiya religii v obshchestve pozdnego moderna [Sociology of religion in late postmodern society]*, 2021, 10, 166–174.

Blyakher L. E., Leont'eva E. O. Osobennosti migracionnoj situatsii na Dal'nem Vostoke i ee vliyanie na formirovanie identichnosti migrantov [Features of the migration situation in the Far East and its impact on the formation of migrants' identity]. In: *Priroda. Chelovek. Kul'tura: materialy Tret'ego Mezhdunarodnogo nauchno-prosvetitel'skogo foruma (Kislovodsk, 4–8 oktyabrya 2022 goda), pod obshch. red. S. E. Turkulets, E. V. Listopadovoj [Nature. Human. Culture: materials of the Third International Scientific and Educational Forum (Kislovodsk, October 4–8, 2022), ed. S. E. Turkulets, E. V. Listopadova]*. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2022, 45–48.

Britvina I.B. Rasselenie inoetnichnykh migrantov kak faktor kul'turnoj integratsii s prinimayushchim soobshchestvom [Settlement of non-ethnic migrants as a factor of cultural integration with the host community]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture]*, 2023, 29(3), 136–143

Bryazgina D. E., Dzhanyzakova S. D., Nam I. V., Sadyrin A. A., Smetanin F. A. Trudovye migranty iz Central'noj Azii v sibirskom gorode: infrastruktura, zanyatost', povsednevnost', dosug [Migrant workers from Central Asia in a Siberian city: infrastructure, employment, everyday life and leisure]. In: *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 2019, 6(4), 31–52.

Farrer L. G. The Chinese Social Dance Party in Tokyo: Identity and Status in an Immigrant Leisure Subculture. In: *Journal of Contemporary Ethnography*, 2004, 33, 651–674.

Gamerman E. V. Migratsiya i bezopasnost' v Severo-Vostochnoj Azii: politicheskie i ekonomicheskie aspekty [Migration and security in North-East Asia: political and economic aspects]. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]*, 2020, 2, 55–69.

KHramova M.N., Zorin D.P. Vozможности i ogranicheniya dlya rosta chelovecheskogo kapitala v regionakh rossiiskogo Dal'nego Vostoka [Opportunities and limitations for the growth of human capital in the regions of the Russian Far East]. In: *Segodnya i zavtra rossijskoj ekonomiki [Today and tomorrow of the Russian economy]*, 2022, 107–108, 26–36.

Kovalevskiy A. V., Blyakher L. E. Dal'nevostochnaya migratsiya: osobennosti interpretatsii na primere keisa Habarovskogo kraja [Far Eastern migration: peculiarities of the interpretation (example of the Khabarovsk Territory case)]. In: *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Ojkumena. Regional Researches]*, 2020, 3(54), 120–127.

Krasinets E. S., SHevtsova T. V. Trudovaya migratsiya v reshenii strategicheskikh zadach prostranstvennogo razvitiya chelovecheskogo kapitala na Dal'nem Vostoke Rossii [Labor migration in solving strategic problems of spatial development of human capital in the Russian Far East]. In: *Evraziiskoe Nauchnoe Ob'edinenie [Eurasian Scientific Association]*, 2020, 11–4(69), 251–255.

Krivonosova L. A., Us M. A. Osobennosti etnicheskoy identichnosti migrantov na Dal'nem Vostoke Rossii [Features of the ethnic identity of migrants in the Russian Far East]. In: *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and governance in East of Russia]*, 2018, 3(84), 119–126.

Kryazheva M. F., SHakirova E. S. Biblioteka kak "tret'e mesto": realizatsiya konceptsii [Library as "the third place": realization of the concept]. In: *Bibliosfera [Bibliosphere]*, 2019, 3, 93–98.

Kuziner E. N., Petrunina D. S. Kreativnye prostranstva kak "tret'i mesta" v regionakh Rossii [Creative Hubs as Third Places in Russian Regions]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2022, 6(172), 333–355.

Lynnebakke B. The Role of Leisure Practices and Local Identity in Migrants' Inclusion in Two Rural Norwegian Municipalities. In: *Social Inclusion*, 2024, 12, 1–18.

Mata-Codesal D., Peperkamp E., Tiesler N. C. Migration, Migrants and Leisure: Meaningful Leisure? In: *Leisure Studies*, 2015, 34(1), 1–4.

Mishchuk S. N. Realizaciya sovremennoj migracionnoj politiki na Dal'nem Vostoke Rossii: federal'nyj i regional'nyj aspekty [Implementation of modern migration policy in the Russian Far East: federal and regional aspects]. In: *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2018, 16 (6), 1028–1040.

Mishchuk S. N. Trudovaya migratsiya na Dal'nem Vostoke: do i posle 2020 goda [Labor migration in the Far East of Russia: before and after 2020]. In: *Regional'nye problem* [Regional Problems], 2021, 24(2–30), 171–174.

Motrich E. L. Migraciya v demograficheskom razvitii Dal'nego Vostoka Rossii [Migration in the demographic development of the Russian Far East]. In: *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2022, 18(1), 27–40.

Mukomel' V. I. Osobennosti adaptatsii i sodeystviya detey-immigrantov – predstaviteley "polutorного pokoleniya" [Features of adaptation and integration of migrant children – representatives of the "generation and a half"]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], 2013, 2–2, 192–209.

Muller F., Zoonen V. L., Roode L. The Integrative Power of Sport Imagined and Real Effects of Sport Events on Multicultural Integration. In: *Sociology of Sport Journal*, 2008, 3, 387–401.

Nikiforova S. V., Ivanova M. A. Muzej kak "tret'e mesto" v kul'turnom prostranstve sela [Museum as the "third place" in cultural space of a rural area]. In: *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture], 2020, 1, 62–72.

Oldenburg R. *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. US: Da Capo Press, 1989. 384.

Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: New Literary Review, 2014. 465.

Rhubart D., Sun Y., Pendergrast C., Monnat S. Sociospatial Disparities in "Third Place" Availability in the United States. In: *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2022, 8, 1–11.

Serdyukov K. N. Demograficheskie i migracionnye processy na Dal'nem Vostoke Rossii (na primere Primorskogo kraja) [Demographic and migration processes in the Far East of Russia (on the example of Primorsky Krai)]. In: *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2023, 7, 233–240.

Stodolska M., Santos A. C. Transnationalism and Leisure. Mexican Temporary Migrants in the U. S. In: *Journal of Leisure Research*, 2006, 38, 143–167.

Strauss A., Korbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256.

Varnavskiy P. K. Musul'manskaya obshchina Ulan-Ude v kontekste vzaimodeystviya migrantov i prinimayushchego soobshchestva [The Muslim community of Ulan-Ude in the context of interaction between migrants and host society]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], 2016, 18, 107–115.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. Faktory i mekhanizmy skladyvaniya mest rezidentnoj kontsentratsii migrantov vokrug rynkov [Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2021, 5(165), 425–449.

Vinokurova A. V. Zhiznennyye strategii i povsednevnyye praktiki semej uzbekskikh trudovykh migrantov (na primere Primorskogo kraja) [The life strategies and everyday practices of families of Uzbek migrant (na primere Primorskogo kraja)].

workers (on the example of Primorye territory)]. In: *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [*Ojkumena. Regional Researches*], 2017, 4(43), 95–104.

Vinokurova A. V., Ardalyanova A.YU. Inostrannaya migraciya na Dal'nem Vostoke Rossii: osnovnye trendy [Foreign migration in the Russian Far East: main trends]. In: *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [*Ojkumena. Regional Researches*], 2023, 4(67), 11–22.

Yakovlev A. I. Migranty iz stran Central'noj Azii na Dal'nem Vostoke Rossii: problemy adaptatsii i integratsii [Migrants from Central Asia countries in the Far East of Russia: problems of adaptation and integration]. In: *Problemy sovremennogo vostokovedeniya: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Minsk, 29–30 iyunya 2023 goda) / otv. red. V. R. Borovoj* [*Problems of modern Oriental studies: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Minsk, June 29–30, 2023) / ed. V. R. Borovoy*]. Minsk: Belarusian State University, 2023, 139–144.